

Муравьев Николай Валерианович

Из прошлой деятельности

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Валерианович М.**
Из прошлой деятельности: Том 1 / Муравьев Николай Валерианович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 572 с.

ISBN 978-5-519-98169-9

ISBN 978-5-519-98169-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ настоящей книгѣ помѣщена большая часть журнальныхъ статей по различнымъ судебнымъ вопросамъ, написанныхъ за продолжительный періодъ времени. Занятый государственною службою, авторъ могъ отдавать литературно-юридической работѣ только немногіе и случайные свои досуги. Отсюда отрывочный, эпизодическій характеръ и скромное значеніе этихъ очерковъ, отнюдь не претендующихъ быть изслѣдованіями. Содержаніе ихъ тѣсно связано съ практическою дѣятельностью; она такъ или иначе наталкивала на темы, накопила наблюденія и выводы, порою даже прямо побуждала подѣлиться ими съ интересующимися, въ болѣе широкой и свободной области печатнаго слова. Труды, уже давно сдѣлавшіеся его достояніемъ, оставлены и нынѣ безъ существенныхъ измѣненій, въ томъ самомъ видѣ, какъ они сложились подъ живымъ воздѣйствіемъ извѣстныхъ условій и явленій русской судебной жизни. Тотъ, кому дорого правильное, законмѣрное и плодотворное ея развитіе, найдетъ здѣсь искренній отголосокъ нѣкоторыхъ насущныхъ, прошлыхъ и нынѣшнихъ, заботъ и потребностей нашего судебного вѣдомства. Въ этомъ главный смыслъ предлагаемаго сборника.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Обрядъ публичной казни (1874 г.)	1
II. О предметѣ и изученіи уголовного судоустройства и судопроизводства (1875 г.)	59
III. Бродяги и бродяжество (1878 г.)	78
IV. Наши тюрьмы и тюремный вопросъ (1878 г.)	107
V. Къ ученію объ уголовномъ преслѣдованіи за преступленія по службѣ (1879 г.)	147
VI. Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей при признаніи подсудимыхъ (1880 г.)	196
VII. Суррогатъ суда присяжныхъ (1880 г.)	234
VIII. О судебной службѣ (1886 г.)	268
IX. Сокращенные способы разрѣшенія маловажныхъ уголовныхъ дѣлъ въ Германіи и Австріи (1887 г.)	337
X. Къ вопросу о кандидатахъ на судебныя должности (1890—1891 г.)	373
XI. Общія основанія устройства и уголовной дѣятельности прокурорскаго надзора (1891—1892 г.)	399

1. Общія условія прокурорской службы.—2. Подготовка къ прокурорской службѣ.—3. Пополненіе и движеніе личнаго состава.—4. Служебное положеніе лицъ прокурорскаго надзора вообще.—5. Подчиненность.—6. Независимость.—7. Единство.—8. Отвѣтственность.—9. Вѣдомство прокурорскаго надзора и распределеніе въ немъ занятій.—10. Общія основанія уголовной дѣятельности.

ОБРЯДЪ ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ ¹⁾.

(1874 г.).

C'est le crime qui fait la honte, ce
n'est pas l'échafaud

Судебные уставы 20 ноября 1864 г. внесли въ русскую жизнь новыя начала уголовного закона въ обширномъ смыслѣ. Эти начала, съ которыми только теперь медленно и постепенно начинаетъ свыкаться русскій народъ, или не имѣютъ ничего общаго съ его прошедшимъ юридическимъ бытомъ, или прямо идутъ въ разрѣзъ съ самыми основаніями уголовныхъ законовъ, отмѣненныхъ судебной реформой. Нѣтъ и не можетъ быть никакой существенной связи и даже простого сходства между двумя юридическими сферами, отжившей и начинающей жить. Между ними поставлена рѣзкая грань основными положеніями судоустройства и судопроизводства, и прошедшее съ его всѣмъ еще памятнымъ мракомъ, повидимому, остается только скорѣе забыть. Но если приглядѣться внимательнѣе къ новому закону и новому порядку вещей, то независимо отъ этого утѣшительнаго заключенія нельзя не обратить вниманія на разбросанные мѣстами въ судебныхъ уставахъ, правда, очень немногіе, но тѣмъ не менѣе сохранившіеся остатки прошедшаго. Они образуютъ частную и, очевидно, вовсе не крѣпкую связь между старымъ и новымъ; въ послѣднемъ они являются элементами ему безусловно чуждыми и нѣсколько чуждыми тому свѣтлому и отрадному впечатлѣнію, которое и ученый юристъ, и юристъ-

¹⁾ Юридическій Вѣстникъ 1874 г., № 7 и 8.

практикъ вынесутъ изъ близкаго знакомства съ уставами и которое еще такъ недавно было торжественно засвидѣтельствовано европейской наукой уголовного права въ лицѣ знаменитаго ея представителя — покойнаго Миттермайера. Въ ряду такихъ прискорбныхъ остатковъ, незначительныхъ по количеству, но не маловажныхъ по качеству, первое мѣсто принадлежитъ, безъ сомнѣнія, особому порядку исполненія приговоровъ, осуждающихъ преступниковъ къ лишенію всѣхъ правъ состоянія. Этотъ особый порядокъ, извѣстный въ законѣ подъ именемъ обряда публичной казни, цѣликомъ вошелъ въ новое уголовное судопроизводство изъ стараго, установленнаго 2 ч. XV т. св. зак. Наука и опытъ давно уже оцѣнили его по достоинству, но, сколько извѣстно, результаты этой оцѣнки еще не были заявлены въ нашей юридической литературѣ. А между тѣмъ вопросъ объ этомъ обрядѣ имѣетъ двойное, и юридическое и общественное, значеніе, не говоря уже о томъ, что онъ касается явленія, самая внѣшность котораго неминуемо возбуждаетъ во всякомъ, кому хоть случайно приходилось съ нимъ сталкиваться, самыя разнохарактерныя чувства:—отъ недоумѣнія и глубоко-тяжелаго впечатлѣнія до празднаго и грубаго любопытства включительно. Обрядъ публичной казни, имѣющій значеніе добавочнаго, но тѣмъ не менѣе тяжелаго уголовного наказанія, отнесенъ, однакоже, закономъ къ моментамъ уголовного процесса и опредѣляется въ обыкновенномъ своемъ примѣненіи не уложеніемъ о наказаніяхъ, а уставомъ уголовного судопроизводства. Такимъ образомъ, можно предположить, что этого обряда не коснется вовсе коренная реформа, въ скоромъ времени ожидающая наше уложеніе, и онъ останется въ силѣ и послѣ совершеннаго измѣненія содержанія, системы и цѣли существующихъ наказаній. Это обстоятельство придаетъ вопросу еще больше жизненности и побуждаетъ заявить о немъ передъ юридической публикой въ надеждѣ, что такой путь рано или поздно приведетъ къ его разрѣшенію, въ необходимости котораго мы глубоко убѣждены. Если же мы ошибаемся и вопросъ объ обрядѣ публичной казни будетъ затронутъ и разрѣшенъ въ законодательномъ порядкѣ при пересмотрѣ уложенія, то и тогда, смѣемъ думать, наши

скромныя замѣтки и наблюденія, основанныя преимущественно на практикѣ и опытѣ, не останутся хотя бы безъ небольшой доли пользы въ виду неизвѣстности тѣхъ выводовъ и положеній, къ которымъ приведетъ упомянутый выше пересмотръ. Не сомнѣваясь въ томъ, что какъ бы ни маловажны были практическія указанія и личныя впечатлѣнія судебныхъ дѣятелей, они не могутъ пройти безслѣдно для закона и общества, мы рѣшаемся представить въ настоящемъ очеркѣ свои наблюденія и выводы по вопросу объ обрядѣ публичной казни, при исполненіи котораго намъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ приходилось присутствовать неоднократно и при самыхъ разнообразныхъ условіяхъ. Тѣсныя предѣлы очерка позволяютъ лишь вскользь коснуться теоретическаго значенія вопроса, его исторіи и положенія въ Западной Европѣ, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это необходимо для объясненія и оправданія нашихъ выводовъ. Мы не придаемъ имъ большого значенія, но позволяемъ себѣ поручиться за совершенную достовѣрность фактовъ, на которыхъ они основаны.

1.

Существующій у насъ въ настоящее время обрядъ публичной казни имѣетъ значеніе, въ дѣйствительности, не столько процессуальнаго обряда, сколько особаго, добавочнаго уголовного наказанія, направленнаго противъ чести, одного изъ величайшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отвлеченнѣйшихъ благъ человѣка. Содержаніе обряда, весь порядокъ его исполненія прямо имѣютъ въ виду съ одной стороны умаленіе личной чести и безславіе самого преступника, а съ другой—доставленіе народу поучительнаго зрѣлища лишенія чести, какъ послѣдствія преступленія. Такимъ образомъ, нашему обряду публичной казни можетъ быть указаво определенное мѣсто въ ряду другихъ уголовныхъ наказаній. Наказанія, поражающія личную честь, извѣстны уголовному праву всѣхъ народовъ и уже имѣютъ свою исторію. Являясь въ Западной Европѣ первоначально самостоятельными наказаніями, тѣсно связанными съ другими, направленными противъ тѣлесной неприкосновенности (тѣлесными наказаніями), они съ развитіемъ

общества и науки, съ постепеннымъ освобожденіемъ человѣческой личности, въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка переходятъ въ наказанія дополнительные къ главнымъ уголовнымъ наказаніямъ, направленнымъ противъ свободы. Это превращеніе совершается вмѣстѣ съ дробленіемъ обезчещивающихъ наказаній на наказанія, направленные противъ гражданской чести (потеря и ограниченіе правъ состоянія), и на поражающія собственно личную честь. Касаясь нашего обряда публичной казни, мы, очевидно, имѣемъ въ виду только послѣднія. Ихъ же только знаетъ исторія европейскаго уголовного права въ средніе вѣка. При отсутствіи гражданской личной свободы, при совершенномъ поглощеніи личности сословными и государственными элементами, потеря правъ, какъ уголовное наказаніе, не могла имѣть опредѣленнаго мѣста и значенія, такъ какъ гражданскія права членовъ средневѣковаго общества были исключительныя, смутныя, юридически неопредѣленныя. За-то преобладающее и чуткое сознаніе личной чести допускало наиболѣе чувствительное пораженіе ея уголовной карой. Вмѣстѣ съ тѣмъ возрастающее начало государственности и усиленіе правительственной власти, верховнаго источника преслѣдованія и возмездія за преступленія, требовали, чтобы лишеніе преступника чести было всенароднымъ примѣромъ, вызывающимъ трепетъ передъ государственной властью и той карательной силой, которой она вооружена. Отсюда публичность и театральная торжественность средневѣковыхъ казней, поражающихъ честь. Между этими казнями выставка у позорнаго столба, позорная колесница, публичное лишеніе сана или достоинства (*expositon, carcan, dégradation, Pranger, Schandpfhal, Schandbühne*) стоятъ рядомъ съ клейменіемъ, бичеваніемъ, отсѣченіемъ членовъ тѣла, лишеніемъ зрѣнія, снятіемъ кожи и т. д. Описаніями разнообразнѣйшихъ казней, въ которыхъ изощрялась изобрѣтательность законодателей и судей, наполнены современные анналы. Присутствуя при этихъ казняхъ, масса народа видѣла въ нихъ единственныя проявленія карающаго правосудія, облеченнаго въ тайну, и привыкала дрожать передъ нимъ. Только публичныя и оскрамительныя наказанія вмѣстѣ съ тѣлесными могли дѣйстви-

вать такимъ образомъ. И не только средпіе вѣка, но и новое время, вплоть до конца XVIII столѣтія, отличались въ Западной Европѣ такимъ широкимъ и повсемѣстнымъ примѣненіемъ публичныхъ наказаній, направленныхъ на личную честь. Эпоха провозглашенія правъ человѣка и гражданина (*déclaration des droits de l'homme et du citoyen*) панесла первый ударъ этому порядку вещей. Съ развитіемъ въ европейскомъ обществѣ началъ гуманности, духа критики и изслѣдованія появляются первые признаки освобожденія человѣческой личности въ сферѣ уголовного права, новые взгляды на цѣли и средства наказанія. Передовые мыслители и юристы одинъ за другимъ возстаютъ противъ безчеловѣчныхъ наказаній, несомвѣстныхъ ни съ цѣлью, ни съ основаніемъ уголовного правосудія. Идеи и выводы, выработанные наукой и вошедшіе въ сознаніе общества, проникаютъ и въ уголовныя законодательства. Прежде всего это отражается на смертной казни и наиболѣе близкихъ къ ней жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ. Мысли Беккарин, перваго великаго противника смертной казни, вызываютъ ранніе, впоследствии взятые назадъ, законы объ ея отмѣнѣ. Смертную казнь, а вмѣстѣ съ нею и другія обезображивающія и разрушающія здоровье наказанія уничтожаютъ кодексъ герцога Леопольда Тосканскаго, изданный въ 1786 г., декретъ законодательнаго собранія Французской республики въ IV году, распоряженія Императора Іосифа II въ 1781 и 1783 годахъ и окончательный имперскій законъ 1787 года. Но для наказаній, направленныхъ противъ личной чести, это время проходитъ безслѣдно. Ихъ почти не касаются или прямо одобряютъ ученые юристы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ положительныхъ законодательствахъ продолжаетъ господствовать безконечное разнообразіе осрамительныхъ каръ. Монтескье въ „Духѣ законовъ“, высказавъ положеніе, что наказанія должны исходить изъ природы вещей и слѣдовательно соотвѣтствовать внутреннему содержанію преступленія, указываетъ на публичное посрамленіе, инфамію, какъ на одно изъ самыхъ справедливыхъ и цѣлесообразныхъ наказаній за преступленія противъ нравовъ. Еще дальше идутъ въ этомъ отношеніи воззрѣнія Бентама, такъ много сдѣлавшаго для

уголовнаго права. Онъ признаетъ публичное и личное безславіе спасительнымъ средствомъ наказанія. Нѣсколько страницъ его „Основныхъ началъ уголовного кодекса“ посвящены разбору этого средства уголовной кары и указанію того, какъ правильнѣе и лучше ими пользоваться. Публичность и театральность всякой экзекуціи онъ считаетъ неперемѣннымъ условіемъ наказанія. Въ каждомъ родѣ его должны быть обезпечивающіе элементы, направленные, впрочемъ, по принципу, не столько противъ преступника, сколько противъ преступленія. Даже за внѣшнюю обстановку ауто-да-фе Бентамъ признаетъ неотъемлемыя достоинства и предлагаетъ исполненіе уголовныхъ приговоровъ обставить всевозможною публичною торжественностью, эмблемами и обрядами, примѣры и подробности которыхъ, по его мнѣнію, можно заимствовать изъ театральнаго міра. Такой порядокъ исполненія приговоровъ и осрамительное значеніе наказанія, говоритъ Бентамъ, обратило бы на преступника и преступленіе то общественное негодованіе, которое такъ часто и такъ несправедливо обращается на уголовные законы и примѣняющихъ ихъ судей, и показало бы обществу и народу, что правосудіе не мститъ, а даетъ высокій урокъ добродѣтели. Упоминая вскользь о недостаткахъ современныхъ ему осрамительныхъ наказаній, Бентамъ видитъ неудобство pilori, позорнаго столба, употреблявшагося въ Англіи для наказанія журналистовъ и памфлетистовъ, писавшихъ противъ правительства, лишь въ томъ, что вокругъ этого столба не полагалось по закону рѣшетки, и доступъ къ выставленному на позоръ осужденному былъ возможенъ для сочувствующаго ему народа, который собирался вокругъ него толпами и устраивалъ ему торжество.

Послѣ французской революціи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ положительномъ уголовномъ правѣ наступила реакція. Смертная казнь возвратилась въ законодательства, а съ нею въ многочисленныхъ европейскихъ кодексахъ, появленіемъ которыхъ отмѣчено это время, получили твердое право гражданства и многія безчеловѣчныя и осрамительныя наказанія. Поэтому и обезпечивающія наказанія сдѣлались строго опредѣленными